

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ДОСТОЕВСКОГО¹

1

Широко известны слова восемнадцатилетнего Достоевского в письме к его любимому старшему брату от 16 августа 1838 г.: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (28₁, 63). А за несколько недель до смерти Достоевский записал в своей последней записной книжке, среди заметок для первых номеров «Дневника писателя» за 1881 г., другие, не менее хорошо известные сегодня слова: «При полном реализме найти в человеке человека. Это русская черта по преимуществу, и в этом смысле я конечно народен (ибо направление мое истекает из глубины христианского духа народного), — хотя и неизвестен русскому народу теперешнему, но буду известен будущему». Непосредственно продолжая свою мысль, писатель добавил: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» (27, 65).

Эти последние слова Достоевского являются в какой-то мере ответом на вопрос, разгадке которого в юношеском письме к брату писатель обещал посвятить всю жизнь. Как указал сам Достоевский, мысленно подводя итоги тому, что ему удалось сделать, в центре его творчества продолжали всегда неизменно находиться человек и тайные глубины его души. И исследование этих глубин привело Достоевского к убеждению, что разгадка «тайны человека» состоит в том, что едва ли не в любом — даже самом ничтожном, глубоко заблуждающемся, казалось бы, потерявшем человеческое лицо

¹ Доклад «Человек в художественном мире Достоевского» был прочитан Г. М. Фридендером 24 мая 1990 г. в Старой Руссе на V Всесоюзных чтениях «Достоевский и современность» и позднее переработан для публикации в сборнике статей, который автор не успел издать. Рукопись статьи, хранящаяся в архиве автора, любезно предоставлена редакции его вдовой Н. Н. Петруниной.

человеке — можно «найти человека». В «христианской и высоко-нравственной» формуле «восстановления погибшего человека, за-давленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков», «оправдания униженных и всеми отринутых парий общества», в умении писателя «при полном реализме» отыскать и пробудить в них живые ростки «любви и жажды справедливости, а вместе с ними и сознание <...> правды и еще непечатых, бесконечных сил своих» Достоевский видел «основную мысль искусства всего девятнадцатого столетия» (20, 28—29) и в том числе своего собственного художественного творчества.

«Будьте не мертвые, а живые души», — писал, обращаясь к своим читателям, Гоголь,² сумевший увидеть присутствие деформированной ложным устройством общества «живой души» в Поприщине, Акакии Акакиевиче и даже в Чичикове, Манилове и Плюшкине. Достоевский сделал следующий шаг по этому пути. Вслед за Пушкиным и Гоголем он посвятил свое творчество разгадке «тайны» того, что делает человека и общество душевно «мертвыми» и вместе с тем — отысканию и восстановлению в них тех ростков человечности, которые могут помочь им душевно воскреснуть, стать сопричастными «живой жизни» вселенной.

В первой главе романа Вальтер Скотта «Эдинбургская темница» (1818) молодой адвокат Харди жалуется на скудость воображения, отличающую современных ему романистов. «Романист, — замечает герой Скотта, — тщетно ломает голову, стараясь разнообразить свою повесть, но как редко удается ему найти образ или положение, которые еще не примелькались читателю...». А «когда развязку можно угадать...», — продолжает он, — книга теряет всякий интерес. Вот отчего никто нынче не читает романов».

И далее устами своего героя шотландский романист противопоставляет вымыслам романиста затерянные в архивах страницы судебной хроники: «Иное дело — подлинные повести о людских безумствах, записанные в судебных отчетах; прочтите их — и вам откроются новые страницы человеческого сердца и такие повороты судьбы, какие ни один романист не решился бы измыслить... Дайте мне только издать шотландские „Causes célèbres“ и вы надолго насытитесь трагедиями. Истина всегда торжествует над созданиями самого пылкого воображения... Моралист найдет столько же исключительного в наших судебных летописях, сколько ботаник находит редкостных растений среди наших скал».³

Эту программу творчески осуществил Достоевский. Материалом текущей судебной хроники он воспользовался для разгадки тайн человеческой души. Приводя своих главных героев на трагиче-

² Гоголь Н. В. Письма / Ред. В. И. Шенрока. СПб., б.г. Т. 4. С. 424.

³ Скотт В. Собр. соч.: В 20 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 17—19.

ское распутье, откуда одна из дорог ведет к преступлению, а другая таит возможность выхода к вечной общечеловеческой Правде, Достоевский-романист создает те экстремальные условия, которые позволяют ему испытать нравственные потенции современного человека, силу и слабость грозящих ему соблазнов, спасительность или гибельность владеющих им социальных, нравственных и философских идей.

Исследуя человеческую душу, Достоевский показал, как и почему зарождается в ней «воля к власти» (пользуясь термином Ницше). Он пророчески увидел, что цивилизация может развивать не только лучшие, но и худшие свойства человека. В середине XIX в. он угадал, какой опасностью могут стать для человека подчинение воле сильной личности, душевная расщепленность, смиренный отказ от самого себя или власть ложной идеи. В своей творческой лаборатории Достоевский исследовал истоки анархизма, а также фашизма, национал-социализма, сталинизма и других форм политического насилия и тоталитаризма. В «Дневнике писателя» он неустанно призывал своих современников беречь природу, защищая от уничтожения леса и поля, а также смотреть на преступников и самоубийц как на несчастных, перед которыми все мы несем ответственность. Благодаря этим своим гениальным предвиденьям, он стал предтечей художественного, а во многом и научного психологизма XX в. Не без основания мы можем сказать сегодня, что благодаря романам Достоевского не только литература, но и психологическая наука претерпели глубокие преобразования.

Великий писатель родился в семье врача. Он вырос в одном из флигелей московской Мариинской больницы. Братом его деда (со стороны матери) был декан медицинского факультета Московского университета Василий Михайлович Котельницкий. А коллегой его отца, одновременно с ним трудившимся в полевых госпиталях Московской губернии по уходу за ранеными во время кампании 1812 г., был выдающийся русский естествоиспытатель и врач первой половины XIX в. Иустин Евдокимович Дядьковский (1784—1841). Симптоматично, что Дядьковский, по рассказу своего ученика, магистра Лебедева (о чем мне уже приходилось писать), был с детства подвержен галлюцинациям — долгие годы ему в саду являлся его фантастический «двойник». Позднее, в 1846 г., после смерти Дядьковского, в периодической печати в связи с публикацией биографии Дядьковского, предпосланной первой книге его сочинения о внутренних болезнях, возник спор, являются ли двойники только людям, отмеченным чертами особой гениальности, каковыми были Гете или Дядьковский, или подобные галлюцинации бывают также у людей более обыкновенных и заурядных. Этот спор возник во время печатания повести Достоевского «Двойник», где образ двойника возникает в сознании самого заурядного чиновника. Вопрос о

возможной роли Дядьковского и его рассказов о своем «двойнике» для возбуждения у молодого Достоевского интереса к анализу сложных психологических явлений впервые поставлен недавно американским ученым Джеймсом Райсом в его книге „Dostoevsky and the Healing Art“ (1985).

Интерес к психологической науке Достоевский испытывал на протяжении всей жизни. По рассказам близко знавших его в 1840-е гг. современников, Достоевский увлекался в это время психофизиологическими теориями Галля. Из Сибири он просит А. Е. Врангеля прислать ему натурфилософский трактат Карла-Густава Каруса «Psyche». В нем последователь Шеллинга Карус стремился показать, что человеческая душа — сложный комплекс сознательных и бессознательных влечений и импульсов и что ее развитию свойственно диалектическое начало, движение через полагание и преодоление противоречий. В 60-е гг. Достоевский читает «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова, полемизирует с вульгарно-материалистическими теориями, рассматривающими человека как простой «штифтик» или фортепьянную клавишу (образ, восходящий, как известно, к Д. Дидро). Poleмику с теорией «среды», с философским позитивизмом и основанной на нем натуралистической эстетикой Достоевский продолжает в «Дневнике писателя» и «Братьях Карамазовых». В противовес теориям, упрощенно сводящим духовную жизнь человека к ряду ответов на внешние и внутренние раздражения, приписывающим главную роль в духовном формировании человека внеисторической типологии личности или среде и наследственности, Достоевский защищает тезис о том, что душевная жизнь человека во всей ее сложности не может быть постигнута ни «лекарями-социалистами», ни эмпирической психологией. Ибо в «тайны души человеческой» способны проникнуть глубже них интуиция гениального художника или глубокая философская теория, включающая в себя историософские, религиозные и нравственные начала, теория, признающая в качестве своего незыблемого основания идею свободы человеческой воли и неразрывно связывающая ее с идеей нравственной ответственности личности перед вселенной, народом и человечеством.

Чтобы разгадать «тайну» человека, Достоевский в молодые годы обратился к теориям французских социалистов-утопистов, первый толчок к изучению которых дало ему знакомство с романами Жорж Санд. Под этим влиянием зародилось у Достоевского представление о трех ступенях в истории и отдельного человека, и всей человеческой культуры. Первая из них — это счастливый и безмятежный, но и наивный «золотой век». Достоевский, следуя примеру Сервантеса, многократно обращался к картине «золотого века» в своем творчестве. Наиболее ярко «золотой век» обрисован в исповеди Версилова в романе «Подросток». «Золотой век» был, по

мысли Достоевского, веком, когда люди еще не познали зла, греха и душевной раздвоенности и могли спокойно наслаждаться своим земным существованием, но однако оставались детьми по своему сознанию. Затем исторически закономерно наступила эпоха цивилизации. Это эпоха высокого уровня развития человеческого сознания и вместе с тем — эпоха греха и страдания. Человек эпохи цивилизации потерял наивность и ощущение радостной гармонии с природой, а также с другими людьми и с самим собой. Он *«всё сознает»*. И вместе с тем он осужден на душевную раздвоенность и беспокойство. Одновременно с развитием сознания у него растет разлад между мыслью и чувством, болезненное сладострастие, способность к злу и разрушению. Причем самые зло, причиняемое им, и сознание этого зла вызывают у него часто род болезненного наслаждения. Отсюда — любовь человека эпохи цивилизации к различным «маскам». Он предстает перед нами то в роли шута и буффона, то в виде сладострастного циника, то в виде нигилиста и потенциального или реального преступника. Но все эти маски не могут скрыть его глубокого внутреннего страдания, порожденного дисгармонией с окружающим миром, чувством греха и потерей своего человеческого лица.

Крайней точкой развития противоречий эпохи цивилизации является, по Достоевскому, его собственное время — XIX в. Это — вершина всех мучений и страданий человечества. Ибо двигая вперед человеческую культуру, «век пороков и железных дорог» вместе с тем вплотную подводит человечество к преддверию «Царства Ваала», обостряя в человеке его звериные наклонности или вызывая у него апатию и равнодушие, ведя его к потере чувства различия между добром и злом. Такова страшная опасность, нависшая над человеком.

Однако и для отдельного человека, и для всего человечества прохождение через муки эпохи цивилизации несет в себе, по Достоевскому, залог не только гибели, но и спасения. Ибо мысль, сознание, мир чувств и идей — не только разрушительный, но и созидательный фактор. В исканиях, в борьбе и страдании человек эпохи цивилизации обретает ту внутреннюю силу, которая дает ему возможность очиститься духом, победить в себе и других «бесовское» начало, противопоставить «идеалу Содомскому» «идеал Христа». Так жизнь современного человека превращается в поле ни на минуту не затихающей битвы между Добром и Злом. Через раздвоенность и падение, в страданиях и мучительной борьбе с собой происходит в жизни народов и человечества «восстановление погибшего человека». Гуманизм Пушкина, его призыв к «гордому» сыну цивилизации ощутить свою причастность высшим духовным ценностям и благодаря этому обрести исцеление от своих страданий на пути приобщения к народности и всечеловечности, объединения

всех людей на почве братства и всепрощения, признания как общей взаимосвязанности и единства всех людей — без различия религий, сословий и национальностей, так и права каждого отдельного человека на полнейшую духовную и нравственную свободу, ибо она составляет неотъемлемую от человека моральную ценность, — ценность, во имя которой Христос отверг три дьявольских искушения и благодаря этому сохранил свою лучезарную личность, — такова заветная мечта человечества, его вековечный идеал. И залог его исцеления в том, что оно сумеет победить «царство Ваала», построив на земле мирным путем, без насилия и принуждения, к которому призывают Шигалев и Великий инквизитор, новый, более высокий «Золотой век» всечеловеческого духовного единения и братства.

Только учитывая эту историософскую концепцию, лежащую в основе творчества Достоевского, можно понять сущность его восприятия человека и его духовной жизни, верно понять соотношение идей Достоевского и Фрейда. В отличие от Фрейда Достоевский неразрывно связывал «тайну человека» с историей цивилизации, ее «тысячелетиями». Противоречия души и сердца героев писателя, борьба в их душах светлых, созидательных и темных, разрушительных сил порождены, по Достоевскому, не борьбой инстинкта и культуры, а промежуточным характером эпохи цивилизации. Силы эти не являются неизменными свойствами раз навсегда данного «низшего», инстинктивного слоя человеческого сознания, законы которого можно свести к ряду неизменных, внеисторических формул — «эдипова комплекса» Фрейда или юнгианской теории архетипов, подавляемых культурой и психотерапией. У человека нет двух разных «этажей» — инстинкта и культуры. Ибо зло и добро — это не два этажа, а единое поле борьбы в душе человека.

Все люди, по Достоевскому, каковы бы ни были различия между ними и как низок или высок ни был бы присущий им уровень сознания, живут в одном, общем мире и ощущают — одни более ясно, другие более смутно — одни и те же противоречия этого мира. Вот почему «князь Христос» Мышкин и богоборец Ипполит Терентьев или аристократ Мышкин и купец Рогожин, богатый помещик Свидригайлов, нищий убийца Раскольников и пристав следственных дел Порфирий Петрович легко понимают друг друга и между ними возникают «общие точки». А шут и буффон Лебедев в романе «Идиот», несмотря на все свое внешнее юродство, в толковании Апокалипсиса способен прикоснуться к самым глубоким вопросам человеческого бытия. Или (если обратиться к другой, символической, сфере изображения основных противоречий человеческой жизни) Христос и его антагонисты — дьявол, Великий инквизитор, антихрист — ведя между собой смертельную борьбу, в то же время в борьбе этой представляют собой противоположные, но и тесно спаянные между собой полюса единого человеческого бытия. И в

народе есть как свои праведники, так и свои Власы и Миколки, способные не только к греху, но и к просветлению.

Наряду с историософским аспектом для понимания антропологических и психологических основ искусства Достоевского-романиста важен аспект социально-исторический (и даже социологический). Достоевский считал, что почти все предшествующие и современные ему русские писатели были писателями русского «меньшинства». Главным объектом их наблюдений был человек из «средневысшего» дворянского круга общества. Но жизнь русского дворянства в течение ряда веков отливалась в одни и те же традиционные, стройные и строгие формы, благодаря чему «отцы» и «дети» в ней шли по одному и тому же проторенному пути и их благополучное существование имело вид определенной красоты и изящества, или по крайней мере производило на наблюдателя вид «красивого порядка и красивого впечатления». Себя же самого Достоевский считал писателем «русского большинства», жизнь которого имела неупорядоченный характер, была лишена стройности и строгости форм и «руководящей нити». Герой Достоевского, по собственному определению писателя, это герой из «случайного семейства», лишенного прочных устоев и внешнего «благообразия». Особенно «неблагообразный» характер психология и жизнь такого героя получили в пору пореформенного развития русского общества, после 1861 года. Мало того. В эту эпоху с ее лихорадочной ломкой старого, летающими повсюду «мусором» и «сором» жизнь «средневысшего» дворянского круга, — писал Достоевский в романе «Подросток», — также теряет присущие ей прежде красоту и стройность. Родовые традиции чести и долга умирают. Феномен «случайного семейства» становится основной клеточкой жизни всех слоев общества.

Историософский и социологический аспекты подхода Достоевского к психологии человека — свидетельства того, что Достоевский, подобно Вико, связывал психологию человека с историческим развитием, считая, что она подчинена известным объективным общим законам. Отсюда — признание Достоевским повторяемости не только определенных жизненных ситуаций, но и коренных человеческих свойств. Уже современная Достоевскому литературная критика отметила, что между героями писателя существуют преемственность и психологическое родство: одни и те же (или близкие) типы «маленького человека» со «слабым сердцем», «мечтателя»; героя-идеолога, преступника и богоборца; многочисленные варианты «человека из подполья», людей, мучимых своими безудержными страстями; противоположных по своему духу носителей начал «гордости» и «смирения», нигилистически настроенных индивидуалистов и представителей идеалов кротости и смирения, ощущающих свою органическую связь с другими людьми, с Богом и природой, проникнутых стремлением к всепрощению и самоотверженному

служению другому человеку во имя высшей духовной красоты и правды Христовой, видоизменяясь и обновляясь, проходят через все творчество писателя, переходя из одного его романа и повести в другие.

Вместе с тем Достоевский отнюдь не был склонен к схематическому «накладыванию» определенной сетки готовых, раз навсегда данных «идеальных» типов на живое многообразие «живой жизни». Наоборот, он постоянно и неустанно стремился к изучению «текущей действительности» со всей свойственной ей «хитростью», неисчерпаемым богатством единичных проявлений и вариантов общих, типических черт человеческого поведения и мышления как в сходных, так и в различных ситуациях. Отсюда — постоянное внимание Достоевского к газете, к политической, социальной и уголовной хронике дня. В «Записках из Мертвого дома» Достоевский нанес сокрушительный удар романтическому представлению о преступнике и преступлении как всегда равных самим себе психологических величинах. Он бесстрашно разрушил мелодраматический штамп изображения человека — прирожденного злодея или безликой жертвы общественного неурядиства. Мир Омского острога предстал в его изображении перед читателем как мир, отражающий в себе всю Россию того времени, ее верхи и низы, в бесконечном разнообразии и неповторимости составляющих его человеческих индивидуальностей. И столь же разнообразными, как населяющие Омский острог человеческие характеры, предстали в изображении Достоевского и психологические мотивы, толкнувшие его героев на преступление, и их отношение к главному герою-рассказчику.

В связи с этим нельзя не упомянуть о важном открытии Достоевского-психолога, на которое впервые обратил внимание М. М. Бахтин. Все персонажи его всегда сознают, что они являются не только субъектами, но и объектами восприятия для других людей. Герой Достоевского почти всегда уверен, что у каждого человека (хотя бы и впервые встречающегося с ним) уже есть определенное — и притом поверхностное, неполное или ошибочное — представление о нем. «Вы, вероятно, думаете, что я таков, но я совсем другой». Слова эти являются как бы лейтмотивом, который Достоевский вкладывает в уста множества своих героев. Живя в обществе, персонаж Достоевского всегда чувствует себя членом этого общества. Но в обществе неизбежно складываются идеологические стереотипы. Люди в представлении каждого члена общества делятся на определенные разряды и подразряды, — стихийно или сознательно — в голове человека возникает определенная классификация личностей и личностных типов. Однако подобный — внеличный — подход к человеку категорически отвергается Достоевским. «Живую жизнь» он считает принципиально невозможным уложить в устойчивые, раз навсегда данные таблицы и схемы. Отсюда — постоянное об-

ращение Достоевского к излюбленному им слову «вдруг», впервые отмеченное А. Л. Слонимским. У Достоевского все идет не по схеме. Принятый в кругу своих богатых родственников Епанчиных с едва скрываемым снисхождением, князь Мышкин, приехавший в Петербург в конце ноября в летнем пальто и с жалким узелком в руке, неожиданно становится миллионером. Его дорожный спутник и будущий названный брат Рогожин — кутила и безобразник, но он же и человек с душой и сердцем, способный к глубокому страданию и сочувствию. Макар Алексеевич Деушкин не хочет, чтобы его отождествляли с Акакием Акакиевичем из гоголевской «Шинели», ибо чувствует себя не только «маленьким», но и «большим человеком». В этом нищем чиновнике можно увидеть и величие души гетевского Вертера, и философскую настроенность Гамлета с его глубокими размышлениями о смысле бытия. Как верно заметил молодой Г. Лукач в своей незаконченной книге о Достоевском, у писателя действуют и дворяне-помещики, и купцы, и крестьяне, но они духовно противостоят друг другу не как помещик и купец или как фабрикант и рабочий, но прежде всего как души. И их главный спор — спор не о деньгах или карьере, а о философских идеях. Этот — главный — спор стоит за всеми их другими, более второстепенными столкновениями. Герои Достоевского постоянно живут жизнью души, их мучат вопросы Добра и Зла, Красоты и Безобразия, Справедливости и Несправедливости — и этот экзистенциальный диалог душ составляет главное основание великих романов русского писателя. Здесь все погружены в одну общую атмосферу страстных размышлений о вечных вопросах бытия. Ибо мир стоит на пороге катастрофы; его старые устои уже не способны служить опорой общественного здания, и самая насущная задача для людей — не «хлебы», а «новая земля и новое небо». Так социология, психология, философия и нравственность сливаются для Достоевского и его героев в единое целое. Только полное и окончательное разрешение «мировых вопросов» и «мировых противоречий» — и притом без насилия и крови — может спасти человечество. Именно так, думается, а не в духе некоей общей гуманной — и притом достаточно банальной — эстетической фразы следует понимать размышления Достоевского и его героев о том, что высшая духовная красота спасет мир.

Со взглядом Достоевского на человека и его психологию как поле постоянной борьбы связана характерная для Достоевского-художника тема парадоксальности психологического поведения человека. Человек для Достоевского — всегда комплекс самых различных, порою противоречивых наклонностей, а потому поведение его во многом непредсказуемо и неожиданно и для него самого, и для окружающих. Так, Раскольников необычайно добр и отзывчив, он бы мог сказать о себе словами Радищева, что его душа уязвле-

на страданиями окружающего мира, и эта отзывчивость, глубокая боль за человека становится одним из мотивов его преступления. Свидригайлов (в том же романе «Преступление и наказание») — циник и сладострастник, человек с темным уголовным прошлым, но он же благороден по отношению к детям покойного Мармеладова, а убедившись в невозможности покорить Дуню, завоевать ее любовь и прощение, он добровольно отдает ей ключ от дверей комнаты. Хромоножка в романе «Бесы» безумна, но она и мудра высшей духовной мудростью. В нравственном отношении она — сестра юродствующего капитана Лебядкина — стоит неизмеримо выше Ставрогина. Степан Трофимович Верховенский и Варвара Павловна Ставрогина связали себя на всю жизнь, и вся эта жизнь — цепь непрерывных столкновений и стычек. Алексей Иванович — герой романа «Игрок» — обожает Полину, но после своего выигрыша мстит ей и самому себе, уезжая в Париж с отталкивающей его глупой кокоткой мадемуазель Бланш. «Кроткая», хрупкая и неуверенная в себе жертва мужа-ростовщика, стойкостью и величием духа нравственно побеждает своего мужа, а сам он, измучивший и доведший жену до самоубийства из желания подавить ее своим великодушием и завоевать ее благодарность, лишь после ее самоубийства осознает всю меру своей любви к ней. То самое человеческое существо, которое он мучил и истязал хитроумно придуманной психологической пыткой, было на самом деле ангелом, посланным ему во спасение. Князь Мышкин бесконечно добр и безгрешен, автор сравнивает его с Христом, а между тем в нем порой возникают недобрые чувства, «двойные мысли». И не случайно в «Преступлении и наказании» крестьянин, истязавший лошадь, и маляр, который во имя своих религиозных убеждений готов добровольно пострадать, приняв на себя вину за преступление Раскольникова, носят одно и то же имя Миколка.

Душа человека — не только сложного, но и самого простого, не только «интеллигента», но и человека из народа — представляет, по Достоевскому, сложный клубок противоречий. Распутать этот клубок, отыскать ту нить, которая позволяет, потянув за нее, «найти человека в человеке» — такова сложная задача, которая стоит перед любым человеком, в том числе — перед художником, а также перед антропологом и психологом. Ибо, как ни испорчен современный человек, все же (если это не изувер плац-майор Кривцов, не Тоцкий, не Шигалев, не Лужин) в нем теплится искра божественного огня. Она есть даже в таких закоренелых преступниках, как убийцы Петров и Орлов из «Записок из Мертвого дома». Старцу Зосиме удалось раздуть эту искру в душе Алеши, а Алеше — в душах его двенадцати учеников-апостолов. И та же ответственная задача, от решения которой зависит жизнь мира, его настоящее и будущее, стоит сегодня перед каждым из нас.

Особенно важны и актуальны сегодня, думается, две темы, которые широко осветил Достоевский и которые оказались пророческими для мировой литературы. Первая из них — это проблема отчуждения человека от мира и самого себя. Оба эти вида отчуждения, по Достоевскому, взаимосвязаны. Ибо нравственный закон в сердце человека и величие вселенной с ее стройностью и вечным обновлением тесно сопряжены между собой. Для внутренне мертвого человека умирает и внешний мир, общество же превращается под его рукой в бездушный «муравейник». Но еще более важна, может быть, поставленная Достоевским проблема порождаемых общественной жизнью ложных идей и фантазмагорий, давящих на человека, поработавших его душу и нередко погребавших его под своим грузом. Почти все главные герои романов Достоевского — люди «идеи». Идеологи, они вместе с тем и жертвы своих ложных идей — идей, которые отражают мир в кривом зеркале.

Выше было замечено, что уже Гоголь — ближайший предшественник и учитель Достоевского — показал, что в человеке, живущем в трагически извращенном мире, живое может превратиться в мертвое. Но Гоголь знал лишь один из ядов, превращающих живых людей в «мертвые души». Этот яд он определил как «пошлость пошлого человека». Достоевский же понял, что не одни пошлость и духовное оскудение таят в себе гибель для живой личности. Он проницательно угадал, что есть другие, более изощренные яды, которые способны поразить человека не только с элементарным, но и с высоким уровнем сознания. Таким ядом являются ложные и «фантастические» идеи вседозволенности и наслаждения злом. Социальные фантазмагии, порождаемые миром насилия, зла и несправедливости. «Идея» Раскольникова возвышает его. Она зовет его ощутить себя не «вошью», а «власть имеющим», приобщает к разряду «необыкновенных» людей. Но вознося Раскольникова над миром обыденщины и прозы, та же «идея» делает этого мученика и апостола Добра преступником и апологетом всевластия сильной личности, превращает его в отступника от великого нравственного закона, которому подвластен человек. И точно то же самое относится к человеку из подполья, Ставрогину, Ивану Карамазову. Ставя себя над миром и другими, «обыкновенными» людьми, эти герои Достоевского оказываются жертвами зла и отчуждения. Их диалектика, «отточенная, как бритва», приобретает зловещие, губительные черты, делает их убийцами и «великими грешниками». Убивая ростовщицу, Раскольников убивает себя, отрезает себя «ножницами» от человечества.

Никто не имеет права нарушать нравственные законы даже во имя самой возвышенной и благородной, как ему кажется, цели. Ибо без выстраданного живого чувства братства с другими людьми любой член общества становится потенциальным преступником.

Человек не должен быть «вошью». Но он не имеет и права ощущать себя «сверхчеловеком», которому «всё позволено». Иначе ему неизбежно грозят гибель и самоотчуждение. Возвышая себя над другими, человек убивает в себе человеческое начало, свою совесть, свою причастность тайне бытия.

Зарождаясь в больной душе человека эпохи цивилизации, возникая в ее «подполье» и разрастаясь в фантазмагорическую силу, способную погубить своего носителя, «ложная» идея самодовольной всеобщей сытости, насилия, вседозволенности способна стать трихиной, которая грозит гибелью всему человечеству. И лишь духовная победа над ней может способствовать очищению и перерождению человеческой души и всей мировой жизни. Благодаря такой победе царство Ваала способно стать подножием нового века человеческого Братства, основанного на сознательном торжестве живого человека над властью греха и отпадения от богочеловека. Пребудем же и мы верны этому завету великого русского писателя и мыслителя, завету, который сегодня продолжает быть для нас живым и действенным, как он был живым и действенным в прошлом для каждого, кто стремился помочь «восстановлению погибшего человека». Мысль эту, по словам Достоевского, провозгласил в эпоху перехода от средних веков к Новому времени Данте, и ей Достоевский стремился дать второе дыхание в той новой, современной «Божественной комедии» дантовского масштаба, которая носилась перед умственным взором великого художника, глубокого аналитика общества и человеческой души.